

Н. БАКШИ

(Российский государственный гуманитарный университет)

ОТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ

**«Компаративистика вне языковых различий.
Сравнительное литературоведение внутри одного
языкового пространства.
К концепции компаративистики
лингвогетогенных литератур»**

В октябре 2015 г. в РГГУ состоялась Международная конференция по теме «Komparatistik ohne Sprachdifferenz / Компаративистика вне языковых различий. К концепции компаративистики лингвогетогенных литератур», организованная кафедрой германской филологии им. Томаса Манна.

Коллеги были приглашены к размышлениям о предмете исследования компаративистики, который традиционно определяется через языковое различие исследуемых текстов. Однако подобное ограничение исключает возможность компаративистики англоязычного, немецкоязычного, франкоязычного и испаноязычного пространства. Эта позиция, представленная прежде всего французской компаративистикой, претерпела в последние годы некоторые модификации. Так, например, постколониальные исследования расширили область компаративистики, обращаясь к различиям культурных формаций стран-колонизаторов и бывших колоний при наличии единого языка. Однако главный вопрос, волновавший участников конференции, заключался в том, является ли язык ключевым фактором в случае стран, не связанных колониальными и постколониальными отношениями, стран, которые связаны одним языком, но являются различными политическими и культурными пространствами, при этом близки друг другу территориально. Достаточно ли для компаративных исследований самоописания различных культурных формаций в рамках одной языковой области, насколько возможна и плодотворна компаративистика немецкоязычного пространства (Германия, Австрия, немецкоязычная Швейцария, Люксембург). В диахронном аспекте главный вопрос заключался в том, с какого момента самоосмысление и описание культурных особен-

ностей страны становится достаточным для выделения отдельной литературной системы. Куда в этой связи относится литература европейского фашизма или литература ГДР. Как соотносятся литературная и культурная компаративистика.

Для обсуждения подобных проблем компаративистики и германистики неслучайно была выбрана именно Россия, поскольку в России сложилась модель германистики, характерная для зарубежной германистики в целом. В то время как немецкая германистика отказывается австрийской, швейцарской и люксембургской литературе в статусе отдельной национальной литературы, Швейцарии и Австрии удается создать за рубежом истории собственных национальных литератур, не в последнюю очередь благодаря культурной политике за рубежом и таким культурным организациям, как «Про Гельвеция» и «Австрийский культурный форум».

Кроме того, именно в России была создана традиция исследований национальной литературы, рассматриваемой сквозь призму компаративистики.

В конференции приняли участие филологи-компаративисты из Германии, Австрии, Швейцарии, Греции и России. В своем вводном докладе я обозначила основные проблемные поля и возможности компаративистики внутри одного языкового пространства, а также особенности развития компаративистики внутри немецкоязычного пространства. Прежде всего, необходимо было определить взаимоотношения между сравнительным литературоведением и культурной компаративистикой. В 1993 г. Сюзан Баснет провокационно заявила, что сравнительное литературоведение мертво, а возродить его может только связь с культурологией, переводоведением и гендерными исследованиями. Параллельно с Баснет свой доклад сделал Чарльз Бернхаймер (на основании которого в 1995 г. вышла книга "Comparative Literature in the Age of Multiculturalism"), где он задается вопросом о возможности обновления сравнительного литературоведения с помощью культурологии и дискурсивного анализа. Интердисциплинарность, контекстуализация и мультикультурализм должны войти в обиход компаративистики, а статус литературного текста как привилегированного объекта исследования должен быть пересмотрен, считает Бернхаймер. Этот момент можно считать точкой отчета в сложных взаимоотношениях сравнительного литературоведения и культурологии, текста и культуры, причем зачастую в этих взаимоотношениях происходит маргинализация литературы.

Проблема взаимодействия компаративистики и культурологии (возникшая в конце 1940-х гг.), одна из наиболее актуальных в настоящий момент, усугубилась в 1990-х гг. прошлого века в связи с осмыслением феномена мультикультурализма. Мультикультурализм, как известно, повлек за собой проблематизацию идеи национальной филологии, когда в одной стране стали развиваться гибридные

в языковом и культурном плане литературные формы. Проблема эта продолжает оставаться открытой и неразрешимой по сей день.

С одной стороны, делаются попытки найти баланс между культурологией и литературной компаративистикой. Так, немецкий литературовед Моника Шмиц-Эманс примирительно пишет о том, что литературное произведение, будучи несомненно выражением своего времени и культуры, не должно этим исчерпываться [Schmitz-Emans 2001: 251]. Литературоведение не должно забывать о предмете своего исследования, разнящемся с предметом исследования культурологии. Хотя литературные тексты бесспорно являются частью культурологических и исторических исследований, они тем не менее не являются только объектами этих исследований и несут иную эстетическую ценность сами по себе, чем, собственно, и занимается литературоведение. Джеффри Хартманн (Георг Штайнер и проч. представители автономной эстетики) идет дальше, считая, что культурология и литературоведение преследуют прямо противоположные цели. Если культурология осмысляет любую культуру как некий порядок и именно в этом смысле размышляет о культурных кодах, то литература как раз взрывает этот порядок, борется с ним, чем, собственно, в первую очередь и интересна, то есть литература является местом размышления о культуре и тем самым ставит монолитный и самодовольный культурализм под сомнение.

Другая важная, хоть и менее очевидная проблема — это ответственность литературной компаративистики за текстовую репрезентацию мультикультурных и межкультурных реальностей независимо от языков. Еще в 1949 г. американский компаративист Рене Уэллек издает совместно с Остином Уорреном «Теорию литературы», где задается вопросом, являются ли литературы, написанные на одном языке, объектом исследования литературной компаративистики:

Судить о национальном своеобразии особенно сложно в тех случаях, когда необходимо определить, являются ли национально различными литературы, создающиеся на одном и том же языке, как, например, несомненно ими являются по сравнению с английской американская и современная ирландская литературы.

Не так просто ответить на вопрос, почему Голдсмит, Стерн и Шеридан не принадлежат, в отличие от Иейтса и Джойса, ирландской литературе. Или: являются ли самостоятельными литературами бельгийская, швейцарская, австрийская? Да и вопрос о том, когда литература, создававшаяся в Америке, перестала быть колониальной английской и стала национально самостоятельной, таит в себе значительные сложности. Явилось ли отделение от английской литературы простым следствием обретенной политической самостоятельности? Или оно произошло по мере укрепления национального чувства у самих писателей? Или все дело в становлении национальной тематики и местного колорита? Или же речь нужно вести о фор-

мировании литературного стиля, отмеченного ярко выраженными национальными чертами?

Лишь дав ответ на все эти вопросы, мы сможем создать истории национальных литератур, где основой будут служить не одни лишь соображения географического и лингвистического характера [Уэллек, Уоррен 1978: 73].

Эта проблема, важная для англоязычного пространства, не находила и до сих пор не находит отклика во французской компаративистике, которая в лице Ангелики Корбино-Гофман (во «Введении в компаративистику» в 2004 г.) определяет компаративистику как сравнительную науку о литературе в ее чуждых контекстах, но при этом исключает литературы, написанные в разных странах, но на одном языке, что, по ее мнению, является компаративистикой внутри моноязычного пространства и не имеет никакого смысла. Интересно, что для исследовательницы не стоит вопрос о том, является ли это компаративистикой или нет. Она не отрицает очевидного факта, что это компаративистика, но отказывает ей в каком-либо смысле, то есть смыслообразующим началом компаративистики, по ее мнению, является исключительно язык.

Своеобразная ситуация складывается в немецкоязычном пространстве.

Хотя общеизвестным является тот факт, что именно Вторая мировая война послужила основным толчком для выделения в самостоятельные национальные литературы Австрии и Швейцарии¹, тем не менее немецкое литературоведение при изучении послевоенной литературы исходит из общего немецкоязычного пространства, в то время как австрийское литературоведение рассматривает только свою национальную литературу этого периода, а швейцарское литературоведение утверждает, что литературы как таковой в Швейцарии на этот период не было. В различных культурных пространствах по-разному складывалась и филологическая наука: в то время как в Австрии наблюдалось возвращение к национальным текстам и соответствующему национальному канону, создавалась и утверждалась австрийская, а не немецкоязычная история литературы, а в Швейцарии не существовало ничего другого, кроме национальной истории литературы, немецкая германистика оказалась перед сложным вопросом, нужно ли ей продолжать традицию немецкоязычно-

¹ Учебники по австрийской и швейцарской литературе после войны, прим.: *Nadler J.* Literaturgeschichte Österreichs. 1948; *Matejka V.* Was ist österreichische Kultur? Vortrag, gehalten in Wien am 25. Juli 1945. Selbstverl.; *Fischer E.* Die Entstehung des österreichischen Volkscharakters // Neues Österreich, Zeitungs- u. Verl.-gesellschaft; *Bonjour E.* Geschichte der schweizerischen Neutralität, drei Jahrhunderte eidgenössischer Aussenpolitik. Basel, 1946; *Ernst F.* Helvetia mediatrix, 1945; с 1945 г. начинают издаваться Schweizer Heimatbücher, Schweizer Lexikon (1945—1948).

го литературоведения. В русле осмысления последствий Второй мировой войны стоило признать за Австрией и Швейцарией право на национальные истории литературы, однако в этом случае необходимо было бы придерживаться сложно обоснованной немецкой традиции по остаточному принципу, что могло бы быть снова истолковано как шовинизм. Эта политически тупиковая ситуация была «разрешена» вытеснением данной проблематики и продолжением немецкоязычной традиции. Тем самым, однако, была создана ситуация, при которой в Германии едва ли могла возникнуть и развиваться компаративистика немецкоязычного пространства. Об этом свидетельствуют различные истории литературы, написанные после 1945 г.

Исключение представляет собой двухтомная «История немецкоязычной литературы с 1870 по 1918» Петера Шпренгеля (1998 г.), в которой по каждому роду литературы даны подглавы по Швейцарии, Австрии и Германии. Однако в предисловии этому дано крайне неудовлетворительное обоснование: «Подборка швейцарских, австрийских и немецких авторов в зависимости от их происхождения — в определенном смысле рудиментарная и компромиссная попытка учесть различия государственных общностей и национальной идентичности» [Sprengel 1998: XVI]. Шпренгель считает, что процесс выработки идентичности в исследуемый им период только начался, поэтому выделять отдельно три разные истории литературы не имеет смысла. Интересно, что Рене Уэллек в 1949 г. в своей отрицании только лишь географического критерия отбора идет намного дальше, чем немецкий германист в 1998 г.

Литературовед Бернд Тум (Bernd Thum, 1993) в статье для сборника, посвященного известному польскому германисту Норберту Хонсе (Honsza), кратко определяет поле деятельности национальной германистики: «Национальная германистика, как и “интернациональная германистика”, занимается культурным, языковым, литературным и историческим многообразием в немецкоязычном пространстве. Тем самым она заостряет свое внимание на внутрикультурных различиях и соответствиях» [Thum 1993: 336]. Здесь, как мы видим, отсутствует даже намек на возможность компаративного подхода, поскольку межкультурные явления заведомо определяются как внутрикультурные.

Характерную для немецкой германистики точку зрения представляет профессор Кельнского университета Норберт Мекленбург (1985), сводя литературы Австрии и Швейцарии к региональному измерению немецкой литературы и упрекая германистов в «благоговении перед незначительным», что грозит превратить германистику в «науку о неважном и незаслуживающем внимания» [Mecklenburg 1985: 202]. Тем самым Мекленбург отрицает продуктивность компаративного подхода внутри германистики, сводя своеобразие национальных литератур Австрии и Швейцарии к регионализму.

Так же плачевно обстоят дела и в среде немецких компаративистов. В немецком литературоведении фактически отсутствуют работы по германистской компаративистике, то есть компаративистике внутри немецкоязычного пространства. В 1993 г. был собран крупный симпозиум немецкого исследовательского фонда DFG по проблемам германистики и компаративистики, материалы которого были опубликованы в 1995 г. [Germanistik und Komparativistik 1995]. В рамках симпозиума обсуждались следующие пункты: установление германистичности и компаративистики в момент перехода от коммуникации ученых к дисциплинарной коммуникации; «национальная(ые) литература(ы)» и «мировая литература» как исходные точки германистики и компаративистики; спор о «национальной или сравнительной истории литературы» в контексте смены парадигмы классически-гуманистического на национальное образование; конкретные методологические проблемы в поле взаимодействия германистики и компаративистики. Однако ни один из авторов не тематизирует проблемы компаративистики внутри немецкоязычного пространства.

В 2013 г. в издательстве Мецлера выходит «Лексикон компаративистики» под редакцией ведущих современных компаративистов Рюдигера Цимнера и Ахима Хельтера, в котором этой проблематике уделено в рамках темы «компаративистика и мультикультурализм» одно предложение, и то в имплицитной форме, в связи с упоминанием Рейнгольда Герлинга. Герлинг считает, что компаративистика признает существование на границе как признак культурного начала и место артикуляции различий в каждой культуре. Предполагается, хотя и не упоминается напрямую, что язык в данном случае не так важен. Кроме того, эта тема поднимается в традиционном для нее разделе о регионалистике и компаративистике, где констатируется, что отсутствие интереса к компаративистике в рамках одного языка связано с происхождением авторов исследования и что восточноевропейские филологи уделяют этой проблематике больше внимания, чем все остальные.

И действительно, совершенно иначе к компаративному аспекту внутри германистики относятся зарубежные германисты. Словацкий германист Дионис Дюришин (Dionuz Ďurišin) и вслед за ним восточнонемецкий германист Клаус Пецольд указывают на комплекс немецкоязычных литератур современности как особую специфическую форму «межлитературных общностей» (interliterarischen Gemeinschaften). При восприятии литературы внутри немецкоязычного пространства не стоит языковая проблема благодаря общности языка, однако стоит проблема восприятия литературного произведения в ином культурном пространстве, с иной эстетической и общеидеологической установкой, и ориентации на иное немецкоязычное культурное пространство, что особенно характерно для Швейцарии, считает Дюришин.

Особое место в зарубежной германистике занимает российское литературоведение в лице В. Жирмунского, А. Михайлова, Н. С. Павловой, а также В. Д. Седельника, К. Азадовского, А. И. Жеребина. Михайлов, как и сербский германист Константинович, ставит национальные литературы в контекст мировой литературы, отмечая их контрапунктивно-сложные взаимоотношения. Объясняя в 1990 г. в Марбахе немцам особенности русской германистики и компаративистики, Михайлов подчеркивал, что науку в России понимают как единое целое и потому особенно ценят интердисциплинарность. В России нет «только-германистов» (Nur-Germanisten), а есть «также-германисты» (Auch-noch-Germanisten), которые занимаются собственно исследованиями мировой литературы. Русская филологическая наука была изначально ориентирована на компаративистику, что нашло отражение в исторической поэтике Веселовского. «Только-германисты», по мнению Михайлова, в России выжить не смогут, будущее есть только у «также-германистов». Разделение немецкоязычного пространства на австрийскую, швейцарскую и немецкую литературы было для Михайлова естественным, поскольку русская германистика вслед за Веселовским опиралась не на объединяющий все три страны язык, а на их культурные различия. Не случайно его программная книга, вышедшая после его смерти, называется «Языки культуры», то есть то, что он описывает, по сути было культурной компаративистикой.

На этом фоне становится понятно, почему культурная политика «Австрийского культурного форума» и «Про Гельвеции» нашла для себя в России плодотворную почву. Между 2002 и 2005 гг. при поддержке «Про Гельвеции» выходит 3-томная «История швейцарской литературы». В предисловии к ней Павлова пишет, что, в отличие от немецкой германистики, эта история построена по особому, сравнительному принципу, в ней не просто по очереди описываются четыре различных региональных литературы. Они сопоставляются в каждом разделе, посвященном определенной культурной эпохе.

В 2009—2010 гг. при поддержке «Австрийского культурного форума» выходит 2-томная «История австрийской литературы XX века», где издатели Ю. Архипов и В. Седельник в предисловии пишут, что существование отдельной австрийской литературы с позиции внешнего наблюдателя находится вне всякого сомнения. Австрийская литература понимается ими как особый феномен в «немецкой межлитературной общности» [История австрийской литературы XX века 2009: 12].

Именно взгляд со стороны очень важен для самоутверждения австрийской литературы в немецкоязычном пространстве, что сознательно поддерживают культурные фонды. В 2012 г. при поддержке «Австрийского культурного форума» Варшавы в Познани выходит «Краткая история австрийской литературы» Стефана Кашинского (Stefan Kaszyński), которая при поддержке ÖAD и снабженная предис-

словием руководителя ÖAD Арнульфа Кнафля в том же году выходит на немецком языке. Кнафль подчеркивает важность взгляда со стороны и рекомендуют книгу как пособие для преподавания истории литературы в университете. В качестве методологической основы Кашински берет постколониальный дискурс, рассматривая образование австрийской литературы как «процесс колонизации и деколонизации». Таким образом, австрийский культурный код возникает в результате попеременной смены ассимиляции и транскulturации.

Подытоживая свое выступление, я предложила решить проблему различных культурных пространств Германии, Австрии и Швейцарии не субстанциально, как это делалось в рамках этнографии, этнопсихологии или отчасти в истории, социологии и, наконец, культурологии, а с помощью дискурсного анализа. То есть предлагается не исследовать вопрос о том, являлись ли Австрия и Швейцария по отношению к Федеративной Республике Германии инокультурным пространством, а рассматривать, насколько их можно дискурсно определять как инокультурные. Тем самым устраняются противоречия между культурной и литературной компаративистикой, поскольку областью исследования в дискурсном анализе являются тексты, и не в последнюю очередь литературные тексты. Именно дискурсный анализ кажется мне наиболее плодотворным для выявления культурной специфики текста.

Профессор университета в Фессалониках Эльке Штурм-Тригонакис предложила новую теоретическую базу для различных типов компаративистики, разделив ее на интралингвальную и интерлингвальную. Интерлингвальная компаративистика изучает тексты, созданные в одном государстве с двумя или большим количеством языков (Испания, Нигерия, Индия), интралингвальная (транснациональная) компаративистика занимается текстами на одном языке, созданными в различных государствах (английскими, испанскими, португальскими, немецкими). Соответственно, каждая из них связана со своими методами и теоретическими положениями.

О немецкой литературе в контексте мировой литературы, а также различиях в понимании мировой литературы в Европе и Америке говорил в своем докладе профессор Университета Бохума Петер Госсенс. По мысли докладчика, процесс взаимодействия национальных литератур и мировой литературы складывается сложным образом. Включение определенного произведения национальной литературы в мировую литературу — это процесс культурного взаимодействия и канонизации. Однако и национальные традиции и контексты формируют определенные референциальные рамки, которые позволяют раскрыться артефакту мировой литературы. Госсенс задается вопросом, какую роль играет определенная национальная культурная традиция в современном транснациональном литературном дискурсе в США, как влияет ярко выраженный транснациональный дискурс американской компаративистики на German

studies, считают ли они себя хранителями определенной маргинальной традиции национальной литературы или же видят свою задачу в филологическом прорыве редукционистской транснациональной модели.

Профессор Венского университета Ахим Хельтер, сравнивая различные истории литератур, задается вопросом, с какого момента можно научно обоснованно говорить о различных языках и какие различия возможны внутри одного языкового пространства. Хельтер приходит к выводу, что национальная история литературы ориентируется не на государственные границы, а прежде всего на национальный язык. Так, в основном издаются «Истории немецкой литературы», но не «Истории литературы Германии», что, пусть имплицитно, подразумевает не государственность, а язык. Не существует мультилингвальных историй литератур и почти нет мультикультурных историй литератур, то есть национальная точка зрения, несмотря на все глобалистические тенденции, остается доминантной. Исходя из анализа опытов литературной историографии, Хельтер приходит к выводу, что сравнительное описание различных культурных областей монолингвального пространства является большим исключением, то есть это отдельная возможная область компаративистики, которую можно было бы назвать «внутренняя компаративистика» (Binnenkomparatistik).

О политической функции первых кафедр сравнительного литературоведения в Германии, Швейцарии и Австрии после Второй мировой войны, о культурно-политических интересах, связанных с этими кафедрами, сообщил профессор РГГУ Дирк Кемпер. Так, в Майнце это была французская идея единой Европы, которую необходимо было проводить в рамках программы «перевоспитания». В Цюрихе рассчитывали на модернизацию «духовного гельветизма» (или духовной защиты родины) и ее расширения до европейских масштабов. В Инсбруке доминировали интересы культурной политики в вопросе Южного Тироля.

Профессор Венского университета Винфрид Кригледер и профессор Университета Берна Петер Рустерхольц описали проблемы германистики внутри немецкоязычного пространства с позиций австрийской и швейцарской германистики. По мнению австрийского исследователя Винфрида Кригледера, немецкие историки литературы начиная с XIX в. создали определенную парадигму сменяющих друг друга литературных эпох, с помощью которых наиболее четко прослеживается расцвет немецкой литературы от Просвещения, через «Бурю и натиск», к немецкой классике. Литературному расцвету соответствует политический расцвет, вершина которого приходится на 1870—1871 гг. Однако австрийскую литературу невозможно описать в парадигме, разработанной для немецкой литературы. Поскольку данная схема является доминирующей, австрийскую литературу описывают в апофатических категориях: отсутствие бури

и натиска, отсутствие классики, отсутствие романтизма и т. д. В противовес этому Кригледер предлагает иную парадигму эпох, при которой австрийская литература оказывается соотносима на равных как с немецкой, так и с прочими европейскими литературами.

О взаимоотношениях английской и американской литератур сообщила профессор кафедры СИЛ РГГУ О. И. Половинкина. Заведующая кафедрой русской литературы профессор Д. М. Магомедова описала взгляд изнутри и извне на литературу Серебряного века, вписав тем самым русскую литературу в проблемное поле компаративистики внутри одного языкового пространства. Завершили конференцию два доклада, профессора Бохумского университета Моники Шмиц-Эманс и профессора РГПУ им. А. И. Герцена А. И. Жеребина, о сложных взаимоотношениях поэтики единичного автора с понятием национальной литературы. На примере «Франкфуртских лекций» Моника Шмиц-Эманс подробно рассмотрела позиционирование отдельных авторов в немецкоязычном пространстве, показав, насколько важна для них национальная принадлежность, насколько они ощущают себя наследниками и актерами немецкой, австрийской или швейцарской литературы, а также насколько до 1989 г. важна для творческой позиции автора его принадлежность к западно- или восточногерманской литературе. А. И. Жеребин обратился к творчеству Гуго фон Гофмансталя и его пародийному разделению австрийской и прусской идентичностей.

В заключительной дискуссии все участники сошлись на необходимости выработки новой методологии, позволяющей включить компаративистику лингвогетерогенных литератур в качестве важной составной части в общую компаративистику.

Литература

- История австрийской литературы XX века 2009 — История австрийской литературы XX века. М.: Языки славянской культуры, 2009.
- Уэллек, Уоррен 1978 — *Уэллек Р., Уоррен А.* Теория литературы. М.: Прогресс, 1978.
- Germanistik und Komparatistik. DFG-Symposium 1993 — Germanistik und Komparatistik. DFG-Symposium 1993 / Hg. v. H. Birus. Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1995.
- Mecklenburg 1985 — *Mecklenburg N.* Literaturräume. Thesen zur regionalen Dimension deutscher Literaturgeschichte // Das Fremde und das Eigene. Prolegomena zu einer interkulturellen Germanistik / Hg. v. A. Wierlacher, München: iudicium verlag, 1985. S. 197—211.
- Schmitz-Emans 2001 — *Schmitz-Emans M.* Lektüren und Kulturen. Aspekte des Dialogs zwischen Literaturwissenschaft und Kulturwissenschaft // Theory Studies? Konturen komparatistischer Theoriebil-

dung zu Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg. v. B. Burtscher-Bechter u. M. Sexl. [Comparanda. Literaturwissenschaftliche Studien zu Antike und Moderne, Bd. 4]. Innsbruck u.a. (STUDIEN-Verlag) 2001. S. 245—261.

Thum 1993 — *Thum B.* Entwicklungen der interkulturellen Komponente in der Muttersprachengermanistik. Fachliche Bedingungen, Perspektiven, Möglichkeiten // Im Dialog mit der interkulturellen Germanistik. / Hg. v. H.-C. V. Nayhauss, K. Kuczyński, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993. S. 317—344.

ZUSAMMENFASSUNG

Konferenzbericht: “Vergleichende Literaturwissenschaft innerhalb eines Sprachraums — Zur Konzeption einer Komparatistik sprachlich homogener Literaturen”

Die komparatistische Konferenz zum angegebenen Thema fand im Oktober 2015 an der RGGU Moskau statt. Sie ging der Frage nach, ob ein komparatistischer Vergleich von Literaturen, die in einer gemeinsamen Sprache, aber in unterschiedlichen Länder bzw. Kulturräumen entstanden sind, methodologisch möglich und hermeneutisch sinnvoll ist. Dabei ging es vor allem um Länder mit gemeinsamer Sprache, die nicht kolonialgeschichtlich mit einander verbunden waren und sich entsprechend in keinem postkolonialen Verhältnis befinden (im Kern: Deutschland, Österreich, Schweiz, Luxemburg). Die zentrale Fragestellung des Tagungskonzepts lautete: Kann die Differenz der Selbstbeschreibungen unterschiedlicher kultureller Formationen ein und desselben Sprachgebiets die Funktion der Sprachdifferenz so übernehmen und ersetzen, dass beispielsweise eine Komparatistik des deutschsprachigen Raums erkenntnisfördernd erscheint? Wissenschaftler aus Deutschland, Österreich, der Schweiz, Griechenland und Russland haben dazu unterschiedliche theoretische Ansätze vorgeschlagen.